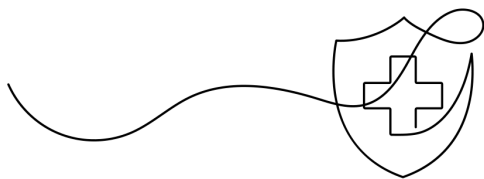


Содержание

Глава первая. Огнестрел	5
Глава вторая. Рисунки мальчишки	21
Глава третья. Школа	25
Глава четвертая. Катализатор и прощение	41
Глава пятая. Чердак	57
Интерлюдия первая. Кто их разберет, этих мужиков	75
Глава шестая. Услуги адвоката	81
Глава седьмая. Танцы и торжество	94
Глава восьмая. Работа психолога	108
Глава девятая. Лошади и сны	122
Глава десятая. Фуга	138
Интерлюдия вторая. Задавайте свои вопросы, меся адвокат	153
Глава одиннадцатая. Верну тебя в целости и сохранности	161
Глава двенадцатая. Вечер в Париже	177
Интерлюдия третья. Забери меня из этого мира	191
Интерлюдия четвертая. Теодор Новак	201
Глава тринадцатая. Лаборант	211
Глава четырнадцатая. Ты должен уехать	224
Глава пятнадцатая. Перчатки	232
Глава шестнадцатая. Помутнение	247
Глава семнадцатая. Сеанс	263
Глава восемнадцатая. Физиология темных существ	273
Глава девятнадцатая. Правосудия не существует	281
Глава двадцатая. Операция прошла успешно?	294
Глава двадцать первая. Имя	305

Глава первая



ОГНЕСТРЕЛ

*Треверберг, восточная Европа
3 марта 1967 года, раннее утро*

Офелия проснулась. Смутное ощущение повторяющегося сна улетучилось, когда она посмотрела на часы и мысленно пробежала по предстоящим рабочим часам. Она всегда вставала до будильника, но сегодня ее разбудило смутное предчувствие нового дня. В этом была радость и напряжение, ожидание и страх. Что еще может ощущать хирург-кардиолог, который выходит в сутки, не успев восстановиться с прошлых? Если бы она была человеком, наверное, сошла бы с ума. Офелия человеком не была. Видимо, поэтому и переехала в Треверберг — поближе к своим. Здесь почти мирно уживались люди, темные эльфы, вампиры и Незнакомцы. Люди не подозревали о наличии кого бы то ни было еще, видя в темных существах таких же, как они сами, но, может быть, просто красивее и чуточку талантливее, людей. А темные существа соблюдали негласный паритет. Иногда город накрывало, и тогда особо расшалившийся Незнакомец убивал десяток-другой смертных, но вмешивались представители власти, и все затихало.

Большинство темных существ полностью включились в общество. Они учились, работали, строили семьи, теряли и зарабатывали деньги. Офелия стала врачом. Только получив темную жизнь и в течение нескольких лет научившись выживать, она поняла, что врачевание — это то, к чему лежит

душа. Она знала темную медицину и обладала нужными навыками, чтобы спасти жизнь вампиру, в которого высадили целую обойму серебряных пуль, но обычная, человеческая медицина ее пленила. В первую очередь, своими ограничениями. Во-вторую, тем, что каждый день, приходя в госпиталь имени Люси Тревер, она бросала вызов себе. Ну что, Лия, справишься ли ты теперь? Сделаешь ли ты то, что никто не делал до тебя? Предчувствуешь ли ты расслоение аорты, оставишь ли его? Сможешь ли заставить сердце биться, не прибегая к способностям Незнакомки?

И у нее получалось. В Треверберг она переехала, получив Гарвардский диплом по специальности «торакальный хирург». Она прошла интернатуру и ординатуру, но в Треверберге в течение целого года работала ординатором, проходя переподготовку. Стандарты госпиталя имени Люси Тревер соответствовали скорее США, чем Великобритании. В 1964 она получила должность врача-хирурга. А два месяца назад главный врач госпиталя Дональд Астер подписал бумаги, присваивая ей должность главного хирурга кардиологии. О чем еще можно мечтать в условные тридцать? Конечно, о ней писали газеты и медицинские журналы. Офелии нравилось это внимание. Нравилось чувствовать себя живой. Нравились номинации на городские и международные премии. Она жила как человек, подпитываясь эмоциями, которыми была пронизана больница.

Да, профессия врача для существа, которое питается чужими эмоциями, — идеальное место. Здесь есть все. Страх, надежда, боль, радость. Все, возведенное в абсолют.

Офелия выскочила из постели. Обычно она приезжала на работу без четверти шесть. Вставала в четыре. Нужно быстро собраться, сделать зарядку, перекусить и ехать, пока не начались утренние пробки. Одеядо соскользнуло на пол, но Лия не обратила на это внимания, она уже бежала в душ. Оказавшись в ванной комнате, включила воду и посмотрела на себя в зеркало из храмового серебра — в обычных отражался ее светлый облик, а она любила смотреть на себя настоящую. Оттуда на нее взглянула молодая женщина с русыми воло-

сами и зелеными глазами того редкого оттенка, который в зависимости от настроения и окружения кажется то зеленым, то голубым. Цвет морской волны, мягкий и нежный, он мог стать пронзительным и злым, а мог раствориться, уступая место теплу. Сейчас глаза были равномерно зелеными. Лицо свежее, тонкий нос, аккуратные небольшие губы. Офелия Лоусон почти не пользовалась косметикой, хирургу не до красоты. Но иногда, на выход, на премию, она брала краску, подводила глаза и ресницы и превращалась в одну из тех роковых красоток, кто демонстрировал наряды модельеров.

Душ и завтрак пролетели на одном дыхании. Женщина включила телевизор, который тут же переключился на криминальную хронику. Говорили о громком процессе, где очередную победу вот-вот одержит какой-то адвокат. Потом диктор сообщил об аварии в лаборатории при госпитале, где проводили анализы. Дальше Офелия не слушала. Она быстро оделась, выключила телевизор и выскочила за дверь.

Дональд Астер, ее шеф и хирург-травматолог, был достаточно прозорлив, чтобы сделать не одну, а две лаборатории. Он понимал, что оборудование может сломаться, может случиться что-то с электроэнергией, с персоналом и еще бог знает с чем. Никто не думал, что это пригодится. Это стало дырой в бюджете, и пришлось продавать мощности частным клиникам. Кто бы мог подумать, что он окажется прав. Офелия завела автомобиль и улыбнулась. На самом деле ей нравилась эта человеческая жизнь и человеческие заботы.

Офелия остановила машину у белого здания, заглушила мотор и посмотрела в небо через слегка запотевшее стекло. Вздохнула. Она не чувствовала усталости и радовалась возвращению на работу, но не успела перевести дух, как в стекло постучали.

Она вздрогнула и повернула голову, облегченно расслабилась, увидев лицо Дональда. Открыла дверь. Дональд Астер улыбался своей слишком идеальной и слишком американской улыбкой. Он смотрелся как супер-модель даже в заношенном халате хирурга. А сейчас в строгом весеннем пальто и подавно мог свести с ума любую.

— Уже слышали новости, доктор? — спросил он с причудливым акцентом, подавая ей руку.

Офелия вышла из машины, взяла сумочку, закрыла дверцу и позволила шефу увлечь себя в здание больницы.

— О том, как ваша предусмотрительность нас всех спасла?

Он рассмеялся.

— Главное, сотрудники живы.

— А что случилось?

Он пожал плечами, отстраняясь, чтобы смахнуть с плеч снежинки. Она не заметила, что пошел снег. В марте в Треверберге снег — явление редкое. Как она могла пропустить это?

— Взорвался баллон с кислородом. Экспертиза найдет причину. Кстати, мне пришлось поменять ваше расписание.

— Вам? — Офелия развернулась к нему. — Поменять расписание мне? Это еще почему? Мы же договаривались...

— И я обязательно искуплю свою вину, доктор Лоусон, — мягко прервал ее Астер. Улыбка с его лица никуда не исчезла, но трансформировалась. Если две минуты назад хотелось стереть ее крепким ударом, то теперь стало почти не по себе — он выглядел таким трогательным и искренним. — Мне позвонили, к нам везут важного человека. Ему прострелили грудь. А среди моих врачей есть только одна волшебница.

Офелия фыркнула.

— Очень важный клиент?

— Важный клиент моего близкого друга.

Она пожала плечами.

— То есть, мадемуазель Лионни с неуточенной аритмией, которая может ее ненароком убить, подождет?

— Аркенсон или Тревер поставят ей стимулятор, жить будет. Вы не должны брать в работу такие мелкие случаи, доктор Лоусон, ваше время дорого.

Он остановился, глядя ей в глаза так, как смотрел бы учитель на нерадивого ученика. Офелия положила руки на талию и подняла голову, встретив его взгляд со всей возможной непримиримостью.

— Ваши лучшие хирурги уже не помнят, как удалять аппендицит. Простые операции — это медицинские гаммы. Если вы хотите убить мою карьеру, хорошо, я буду брать только сложные случаи.

Дональд Астер примирительно поднял руки. Они успели дойти до фойе, и сестры на ресепшн следили за их разговором, прячась за большими мониторами. Слухи уже поползли, а к обеду овладеют всей больницей. Конечно, любимая тема: шеф и неприступная Лия.

Это так интересно. Гораздо интереснее сотен пациентов, томящихся в приемном покое.

— Хорошо, ваша взяла. Вы можете заняться мисс Лионни сегодня вечером. К сожалению, мистер Барден скончался.

— Что? Почему мне не сообщили?

— Не успели. Он попал в аварию по дороге сюда.

Офелия ударила себя ладонью по лбу. Если вы думаете, что самое страшное для хирурга потерять пациента на столе, вы ошибаетесь. Самое страшное и неприятное — потерять пациента до операции.

— Мне нужно идти. Как зовут вашего супер-друга? Чтобы я случайно не убила его, если будет лезть, куда не следует.

— Ричард Эверетт, он адвокат. Подстреленный — его клиент, я так понимаю, ключевой свидетель в деле, которое Рик сейчас ведет. Вы не могли не слышать репортажи.

— Прекрасно, — бросила Лоусон, снова придя в движение. Уже около лифта она развернулась и продолжила: — Только криминальных разборок мне не хватало этим чудесным утром.

— Прекрасного дня, доктор Лоусон, — улыбнулся Астер.

— Удачной беседы со страховой компанией, шеф.

— Кстати. С днем рождения.

— Огнестрел в качестве подарка. Все, как я люблю.

Двери лифта закрылись.

С Дональдом Астером они познакомились еще тогда, когда он, молодой и амбициозный доктор наук, приезжал в Гарвард с открытыми лекциями по травматологии. Он устроил конкурс среди студентов, который Офелия выи-

грала и получила приглашение в госпиталь имени Люси Тревер. Но она решила задержаться в Великобритании еще на три года, и приехала в Треверберг с дипломом, кучей статей и исследований и целью возглавить кардиологию. Дональд ее принял. Химия между ними возникла мгновенно. Но он был женат, а она слишком сосредоточилась на работе. Ее удовлетворяли эмоции в качестве пропитания и обитатели Ночного квартала в качестве партнеров и партнерш на одну ночь. Дональд дарил ей подарки, засыпал комплиментами, но ни разу не сделал поблажки в рабочих вопросах.

Год назад он развелся и ухаживания возобновились, но Офелия держала его в зоне черного медицинского юмора и взаимных колкостей. Ей было приятно внимание, пусть доктор Астер оставался всего лишь человеком. С примесью, конечно, она чувствовала в нем толику генов темных эльфов, но все же он — человек, которого нельзя было назвать даже полукровкой.

Но что это она. Нужно быть честной с собой.

Ей нравилось его мучить. Держать на расстоянии, неожиданно приближать и снова отбрасывать. Она знала, кого он представляет, листая подпольный порножурнал. Видела, какими глазами он на нее смотрит, убежденный, что остается незамеченным. Она ощущала его эмоциональный запах, сотканный из возбуждения и ожидания, но ни разу не перешагнула черту. И он тоже. Наслаждение ей доставляла игра. И в этом она чувствовала, насколько стала похожа на человека.

Офелия вышла в коридор на третьем этаже, где располагалось ее царство. Отделение торакальной хирургии состояло из нескольких подотделов и занимало целый этаж. Ее этаж. Медсестры на ресепшне (они менялись так часто из-за программы обмена внутри госпиталя, что доктор Лусон не успевала запоминать имена) синхронно улыбнулись, увидев начальницу. Лия кивнула им и направилась к своему кабинету, небольшому, но уютному помещению, занятому большим столом, парой кресел и бесчисленными стелла-

жами с книгами, журналами. На столе лежали истории болезни пациентов, которых предстояло оперировать. На разноцветных папках были приклеены бумажки с временем операции. Некоторые перечеркнуты, переписаны, подтерты, некоторые нетронуты. Справа от папок стояла большая корзина с цветами. Офелия достала записку.

«С Днем рождения, Жемчужина. Искренне твой. Д.А.»

Жемчужина. Что-то новенькое. Впрочем, для клиники она была важна. Самый молодой заведующий отделением. Самая именитая женщина-врач Треверберга. На ее операции приезжали со всей Европы. Другой судьбы Незнакомка не могла и представить. У бессмертных существ есть бесконечная фора. Пусть ей было всего около семидесяти, и, по меркам Незнакомцев, она считалась чуть ли не ребенком, рядом с людьми она чувствовала себя почти божеством.

Офелия наклонилась, вдохнула аромат цветов и улыбнулась. Ладно, если он решится пригласить ее в ресторан, она согласится. Так уж и быть.

В дверь аккуратно постучали.

— Войдите.

— Доктор Лоусон, пациент прибыл, начинаем через пять минут. А с ним полицейский и адвокат. Они в зале ожидания.

Геката Штиль, ее старший ординатор, выглядела испуганной. Она работала в больнице уже три года, выбилась из массы, но с огнестрелами раньше не встречалась.

— Подождут. Ассистируешь?

Геката сверкнула улыбкой, слишком контрастно смотревшейся на смуглом лице. Офелии нравилась ее внешность. Мулатка с ярко-синими глазами, полными, как у афроамериканцев, губами, но тонкими и изящными чертами лица. Немножко полновата, но эти округлые формы не выглядели неухоженно, напротив, они придавали ей вид королевы. Имя ей очень шло. В отличие от фамилии. Ледяной огонь, горячий снег. Геката Штиль. Сумасшедшая женщина, влюбленная в хирургию. Она родилась со скальпелем в руках. С ним, видимо, и умрет. С ним же создаст семью.



Шесть часов спустя

— Что такое шесть часов для операции на сердце? — с улыбкой спросила Геката, когда они стояли в предоперационной, стаскивая с себя окровавленные костюмы и перчатки.

— Да, почти рекорд, — улыбнулась Офелия. — Я дважды думала, что мы его потеряем. Бедолаге досталось. Кто-то разрядил в него целую обойму!

— И эта пуля... — ординатор поморщилась. — Она могла взорваться?

Доктор Лоусон рассмеялась.

— Главное, что ничего не взорвалось и никто не пострадал. А пациент должен выжить.

— Первые сутки покажут.

— Первые сутки покажут.

Основательно помыв руки до самого локтя, Офелия достала из шкафчика сменную одежду и пошла в душ. Геката увязалась за ней. Ординатор вообще старалась в рабочее время не отставать от своей начальницы, впитывая ее знания и мастерство. И у нее хорошо получалось. Офелия не тешила себя иллюзией и в преемственность поколений не верила. Эта маленькая смуглая сучка откусит ей руку по плечо, если подать палец. Но пока она слабее и училась у нее. А потом будет метить на ее место. Когда? Через год? Полгода? Пять лет? Ничтожно мало в контексте вечности.

Горячая вода освежила затекшее от напряжения тело. Нет, Офелия не устала. Она не могла устать за ничтожные шесть часов. Тем более, через час ее ждала новая операция и новая спасенная или загубленная жизнь. Ее мучило нечто другое. Предчувствие? Тоска? Выключив воду, Лоусон постояла в клубах пара, а потом потянулась за полотенцем. Нужно поговорить с полицейским и адвокатом, которые ждали ее. Дональд приходил в смотровую и просил сделать это лично. У Офелии не было возможности отказаться, она как раз была

занята извлечением пули из тела раненого, и любое неосторожное движение могло его убить.

Вытершись насухо, промокнув волосы, Офелия вошла в новый хирургический костюм. Влажные локоны пришлось собрать в неаккуратный пучок, чтобы они не падали на лицо. Геката нежилась под струями воды в соседней кабине, и Лоусон решила ей не мешать. Во второй операции ординатор не участвовала, у нее есть время выдохнуть. То, что для Лии было «всего шесть часов», для все еще неопытной девушки, как бы она ни храбрилась, оставалось настоящим испытанием на стойкость.

Офелия вышла из душа. Темно-синяя ткань костюма приятно облегла разгоряченное тело, которое сейчас ощущалось особенно чисто, обостренно. Каждая клеточка будто раскрылась под горячей водой, и теперь резонировала, касаясь ткани. Это было почти волнительно. Доктор Лоусон бодро зашагала по коридору в сторону комнаты ожидания. В свое время она уговорила Дональда выделить большое помещение в травме для тех, кто ждет результатов операции их родных. Плановых операций в этом отделении не было. И родственники, и друзья нуждались в особенном уюте. Пертурбации отделов привели к тому, что травма уменьшилась, а огромная комната ожидания поделилась между ней и кардиологией.

Полицейского Офелия узнала сразу. Сложно не заметить высшего темного эльфа, который также, как тысячи его братьев по всей планете, не забыл свои корни воина и пошел на службу. Они пересекались несколько раз. Доктор не помнила его имени. Помнила эмоциональный запах и эту забавную привычку держать голову. Он выглядел так, будто только что откинул волосы с лица, и теперь смотрел поверх чужих голов. Слегка надменный и вместе с тем величавый вид.

— Доктор Лоусон, — воскликнул эльф, делая шаг навстречу. — Ну и заставили вы нас понервничать. Как мистер Беард?

Он говорил негромко, но все, находившиеся в комнате ожидания, дружно повернули к ним головы. Офелия пересекла пространство, жестом пригласила полицейского подойти к окну и растерянно огляделась в поисках адвоката.

— Мистер Эверетт подойдет через минуту, — то ли прочитав ее мысли (конечно, нет), то ли догадавшись по лицу о том, что ее беспокоит, проговорил полицейский. — Я капитан Андреас Ли.

— Ли?

— Так вышло.

Он пожал плечами и смущенно улыбнулся. Улыбка заставила вспыхнуть темно-карие глаза, а на щеках появились ямочки. Капитан Ли обладал высоким ростом, свойственным большинству из его собратьев, и грации и стати ему не занимать. Лия подошла к окну.

— Операция прошла хорошо. Мы достали все пули. Сердце пару раз останавливалось, но нам удалось его запустить.

На лице полицейского не отразилось никаких эмоций. Конечно. На что она надеялась. Он не ждал другой информации. Врачи же не совершают ошибок. А люди не умирают без причины пачками в каждой операционной.

— Значит, вы волшебница?

Доктор Лоусон резко развернулась на пятках. В паре шагов от нее стоял высокий молодой человек. Он держал два картонных стаканчика с кофе. Чуть поколебавшись, он протянул врачу один из них, а второй — полицейскому. Капитан Ли принял напиток. А Офелия замерла, не чувствуя, как горячий кофе обжигает сквозь картон. Она сама была Незнакомкой. Не помнила создателя и питалась эмоциями. Да. И она, кажется, даже встречалась с Незнакомцами раньше. Но подобных этому существу не видела.

— Ричард Эверетт, — представился мужчина, прохладно улыбнувшись. — Адвокат. Хотите взглянуть на документы?

— Да.

И зачем? Внешность молодого мужчины обмануть не могла. Его истинная сущность скрывалась в темно-синих глазах, в самой их глубине. Эверетт смотрел на нее с вежливой профессиональной улыбкой, но Офелия не сомневалась: он спокойно переступит через ее труп, если понадобится. Эта мысль отрезвила.

Адвокат протянул ей документы и замер, сложив руки на груди и не реагируя на полицейского, тот не шел на контакт,



мелкими глотками поглощая напиток и следя за происходящим тем стеклянным взглядом, который всегда отличал людей в форме. Андреас будто слился со стеной, хотя его внешность была слишком яркой, чтобы раствориться, ему удалось стать почти незаметным. Не привлекать к себе внимание, следить за всем и всеми. Наблюдать.

Офелия раскрыла бумаги Эверетта. Удостоверение адвоката еще сохранило первозданный вид. Не помялось и не потерялось. Либо он педант, либо недавно получил документы. В любом случае в списке доверенных лиц пациента Беарда он не значился. А значит, ей придется выдержать бурю.

— Что вы там увидели? — улыбнулся Ричард, спокойно, но решительно забирая у нее документы. Офелия поставила стаканчик с кофе на подоконник и сложила руки на груди.

— Что вам нужно, господа?

— Я хочу поговорить с мистером Беардом.

— Ричард, ты не можешь с ним поговорить, — спокойно и устало вмешался полицейский. — Твой свидетель под защитой управления...

— Защита управления, капитан, привела его под скальпель доктора...

— Лоусон, — подсказала Офелия, поджимая губы.

— ... доктора Лоусон, — спокойно продолжил Эверетт. — Я должен убедиться, что с ним все в порядке и он...

— Сможет выступить завтра в суде? — расхохотался Ли. — Ты в своем уме? В него стреляли! Три дырки в теле и одна возле сердца. Да он и через неделю ничего не сможет сказать. Ни один судья не примет показания человека под морфином.

Офелия устала провела рукой по лбу.

— Я не нужна вам, господа, чтобы урегулировать ваш спор. Ни один из вас не попадет к пациенту в ближайшие сутки. Идите домой, почитайте книжку детям, почешите кошку за ухом. И не мешайте мне работать.

— Я должен убедиться, что с ним все в порядке, — зло бросил ей Эверетт, сверкнув глазами.

Офелия мужественно выдержала его разъяренный взгляд.

— Завтра.

— Нет, доктор. Я должен увидеть его сегодня.

— Послушайте, мистер адвокат, — вскипела Лоусон. Уже было плевать на то, что перед ней тысячелетний Незнакомец, способный уничтожить ее движением пальца. И даже его скользящий волю взгляд не сбил ее с намеченного курса. Она могла вынести многое и закрыть глаза на многое. Но не терпела, когда родственники и наблюдатели перечили врачам. А Эверетт не был ни родственником, ни другом пострадавшего. — Ни вы, ни ваши коллеги из полиции не войдут в палату мистера Беарда, пока я не разрешу это сделать. И ваши связи с доктором Астером здесь не помогут. Вы уже вмешались в мое расписание, лишив моей помощи людей, которые ждали ее месяцами. Диктовать условия, когда и кто зайдет к пациенту, который вполне может не дожить до утра, я не позволю. Идите домой и отдохните. Вам позвонят.

— Позвонят? Оставить вам визитку? Весь этот цирк ради того, чтобы получить мой номер телефона?

Офелия на мгновение онемела. Ли выступил вперед, инстинктивно стараясь не оказаться на линии огня, но стремясь встать на защиту, если того потребует ситуация. Впрочем, его ничего не удивляло. Видимо, такое поведение для молодого адвоката было в порядке вещей.

Почувствовав присутствие Гекаты Штиль, Лоусон улыбнулась.

— Я не трачу свое время на такие мелочи, господин адвокат. Оставьте свою визитку старшему ординатору. Она свяжется с вами, когда состояние пациента стабилизируется.

Лоусон развернулась на каблуках быстрее, чем успела заметить выражение легкого разочарования на его холеном гладко выбритом лице. Темные волосы чуть длиннее, чем того требовала мода. Темно-синие глаза чуть темнее и ярче одновременно. Ей хотелось задержать на нем взгляд, хотелось поговорить с ним... не с Ричардом Эвереттом, а с тем, кто скрывается за ним, с Незнакомцем. Но вряд ли это получится после мерзкой стычки.

И ладно.

Кивнув Гекате, Лоусон удалилась по коридору, чувствуя, что ее спину сверлят три пары глаз.

Несколько часов спустя

Мерedit сочувственно пощелкала языком и налила Офелии красного вина. Бокал врача пустел уже дважды, и каждый раз подруга заботливо исправляла недоразумение, искренне надеясь, что Лоусон это поможет. Конечно, бедняжка Мер понятия не имела, кто такая ее соседка по лестничной клетке, кто такие Незнакомцы, что вампиры существуют на самом деле, а сказки про кровожадных чудовищ в общем-то и не сказки.

Офелия пригубила вино.

— А потом он вручил Гекате — это мой старший ординатор — визитку и пригласил ее обсудить все детали за ужином.

— Каков наглец! — поддакнула Мерedit, выливая в свой бокал остатки напитка. Она несколько секунд смотрела на бутылку, потом встала, слегка пошатываясь, выбросила пустую тару в мусорное ведро и взяла со стойки каберне 1879 года. Изысканное вино Лоусон подарил благодарный пациент. Было странно думать, что в этом мире так много всего, что пожило гораздо дольше, чем Офелия. При общении с людьми она чувствовала себя самой мудрой из возможных. А эта бутылка напоминала о том, сколь юна была Незнакомка. И для Эверетта скорее всего она так, ничего не значащее препятствие. Он получил отпор и сразу отступил, переключился на Гекату. Будто поддразнивая. Или просто играя на нервах. Больше всего ее раздражало... что? Что она думает об этом?

— А как зовут того красавчика полицейского?

— Андреас Ли.

— Надо позвонить ему! Надо обратиться к нему за помощью.

Язык подруги заплетался.

— Но у меня же все хорошо. Зачем мне полицейский.

— Давай я украду твою машину. Он приедет, весь такой герой, ты вся такая в слезах, — мечтательно продолжила Мер, опуская подбородок на изящную ладонь. Волосы кудрями обрамляли ее бледное лицо. Зеленые, чуть ярче, чем у Офелии, глаза сияли пьяной бравадой и предчувствием отличного приключения. — Он будет задавать вопросы, уте-